

Имя для Михала

Пьеса в трех действиях

Авторизованный перевод со словацкого

Виктории Каменской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛИХИЙ.

БЛАНКА.

АЛЬБЕРТ.

ДОЦЕНТ.

СОСУНОК.

СОЛДАТ.

ПЕТЕР.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната в крестьянском доме. Обставлена довольно скупо, но вся мебель основательная, крепкая. У большого стола скамья и несколько тяжелых стульев. Две двери. Одна – массивная, с металлической ручкой – в сени и во двор, вторая – с небольшим стеклом в верхней трети – в другую комнату. С дубовой балки примерно в центре комнаты свисает большая керосиновая лампа под широким белым эмалированным абажуром. Сцена погружена в полумрак.

Перед большим распятием на коленях стоит Л и х и й. Неожиданно посреди комнаты медленно раскрывается двустворчатая крышка погребка. По ступенькам из погребка поднимается молодая красивая девушка Б л а н к а. Лихий, погруженный в молитву, не замечает ее. Бланка некоторое время в нерешительности стоит возле раскрытого погребка; осторожно покосившись на Лихого, словно завороченная, осматривается вокруг. Медленно, неслышно идет по комнате, впиваясь взглядом в каждый предмет, точно никогда прежде их не видела. Порой, не сдержавшись, легонько дотрагивается то до одного, то до другого. Спотыкается об открытую крышку погребка. Очнувшись от молитвы, Лихий быстро оборачивается. Бланка, невольно съездившись, обеими руками, как от удара, закрывает голову.

Лихий (все еще на коленях, испуганно). Откуда ты взялась?

Бланка (оправдываясь). Вы не заперли.

Лихий (быстро встав, задерживает в окне штору). Я же тебе велел...

Бланка (виновато). Мне захотелось... на свет.

Лихий (ворчит). На свет! Это вечером-то...

Бланка. Я не знала, что вечер.

Лихий (встав на стул, зажигает лампу). Не знала...

Бланка. Для меня все время ночь. Я думала тут, наверху... (*Боязливо приближается к Лихому.*) Вы сердитесь?

Лихий (*тем же тоном*). С ума сошла? (*Подойдя к окну, приоткрывает угол плотной шторы.*) Хочешь накликать беду?

Бланка (*оправдываясь*). Тут было так тихо...

Лихий (*покачивая головой*). Тихо... (*Поправляет штору.*)

Бланка. Прежде чем выйти, я прислушалась.

Лихий (*движением головы показывает на погреб*). Вернись.

Бланка (*не сводя глаз с распятия*). А нельзя с вами помолиться?

Лихий (*поражен*). Ты хочешь молиться?

Бланка (*приблизившись к кресту*). Можно?

Лихий (*неохотно*). Как хочешь.

Бланка опускается на колени. Лихий молча на нее смотрит.

Я думал – ты еврейка.

Бланка не отвечает.

В конце концов, отчего бы и евреям не молиться?.. (*Сев к столу, пристально смотрит на стоящую на коленях Бланку.*) Нет, нет... для еврейки ты слишком непокорная. Но как хороша... Мне будет грустно, когда ты уйдешь... (*Словно бы про себя.*) А может, и не уйдешь... Может, я просто тебя потеряю. Как теряют незаслуженный дар... Надо бы немного тебя подкормить... (*С грустным восхищением смотрит на Бланку.*) Подкормишься – и пойдешь... (*Громко.*) Есть хочешь?

Бланка (*отсутствующим голосом*). Что вы сказали?

Лихий (*ласково*). Спрашиваю, поешь маленько?

Бланка (*показывая на погреб*). Там?

Лихий. Нет. Со мной, наверху...

Бланка (*недоверчиво оглядывается по сторонам*). Но вы говорили...

Лихий (*перебивает*). Они ушли. (*Тем временем отрезает от круглого хлеба два ломтя.*)

Бланка (*с надеждой*). Насовсем?

Лихий отрицательно качает головой.

Снова вернуться?

Лихий кивает.

Тут давно уже тихо.

Лихий (*пододвинув к ней небольшое деревянное блюдо с ломтями сала*). Ешь.

Бланка (*берет хлеб и кусок сала, с аппетитом начинает есть*). Порой мне казалось – вы меня обманываете... Казалось, они уже ушли...

Лихий (*обиженно*). Не тронулась ли ты часом?

Бланка (*продолжая есть*). Вдруг стало так тихо...

Лихий (*спокойно*). Ешь.

Бланка (*испытующе смотрит на него*). Скажите, вы меня не обманываете?

Лихий молча встает из-за стола. Бланка сжалась, точно он собирается ее ударить, но он только берет ее за руку, ведет к платяному шкафу, открывает дверцы. Бланка инстинктивно отступает. Содержимое шкафа видно только им двоим. Возвращаются на прежние места.

Лихий. Теперь веришь?

Бланка беспомощно плачет.

Не плачь... *(Садится.)*

Бланка *(с опаской)*. А они не могут прийти?

Лихий. Чего бояться? Покажись кто вдалеке, пес забрешет.

Бланка. Как бы мне и правда не сойти с ума... Долго ли это может продолжаться?

Лихий. Теперь уж недолго.

Бланка *(неожиданно)*. Можно мне умыться?

Лихий кивает. Бланка поспешно берет большой таз и ставит на стул у конца стола.

Лихий *(подносит тяжелую деревянную бадью, наливает в таз воды)*. Хорошо бы теплой...

Бланка *(нерешительно расстегивает блузку, вопросительно смотрит на Лихого)*. Тут слишком светло.

Лихий прикручивает фитиль керосиновой лампы. Бланка с девичьей естественностью поворачивается к нему спиной и начинает мыться. Лихий, отойдя к распятию, молится.

Бланка *(беспокойно оглянувшись на него, продолжает мыться)*. Молитесь?

Лихий *(взволнованно)*. Молюсь.

Бланка. О чем?

Лихий. Чтобы во мне не одержал верх зверь.

Бланка. Молитесь.

Лихий *(после паузы)*. Ты меня ненавидишь?

Бланка. Теперь уж нет.

Лихий *(все еще на коленях)*. Почему т е п е р ь ?

Бланка. Привыкла.

Лихий *(покорно)*. Я тебя спас.

Бланка. Знаю.

Лихий *(смирненно)*. Знаешь...

Бланка *(стараясь исправить оплошность)*. Я вам благодарна. *(Разгибает согнутую над тазом спину.)*

Лихий *(подходит к шкафу, берет чистое полотенце, подает его Бланке)*. Полотенце.

Бланка *(завернувшись в полотенце, свободным концом вытирает лицо)*. Спасибо.

Лихий *(стоя с ней рядом)*. Я бы мог тебя прогнать.

Бланка. Вы же христианин... *(Наслаждаясь прикосновением чистого полотенца, медленно вытирается.)*

Лихий *(скептически)*. Гм, христианин... *(Пересилив волнение, дотрагивается до ее обнаженного плеча.)* А что будет со мной?

Бланка *(удивленно отстраняется)*. С вами?

Лихий. Когда все кончится.

Бланка. Скорей бы кончилось!

Лихий. Ты уйдешь? *(Бланка молча кивает.)* Я тебя не гоню.

Бланка. Знаю.

Лихий. Я старый?

Бланка. Я слишком долго у вас задержалась.

Лихий. Коришь себя?

Бланка. Нет.

Лихий. Хочешь спуститься вниз, в долину?

Бланка. Дальше... Гораздо дальше... К людям.

Лихий. Люди умеют быть страшными.

Бланка (*с отсутствующим видом*). Знаю. Все равно... Это сильнее меня.

Лихий (*констатирует*). Кто-нибудь тебя ждет.

Бланка. У меня никого нет.

Лихий (*с надеждой*). Совсем никого?

Бланка. Наверное... (*Без связи с предыдущим.*) Почему вы хоть изредка не выпускали меня из погреба?

Лихий. Боялся.

Бланка. Смерти?

Лихий. Бывают вещи похуже.

Бланка. Ничего не может быть хуже смерти. Ничего.

Лихий. Возможно... для молодых.

Бланка. Вы давно живете один? (*Лихий кивает.*) И у вас совсем совсем никого нет?

Лихий. Ты уйдешь?

Бланка. Не могу же я всю жизнь просидеть в заключении.

Лихий. Этого никто не требует.

Бланка. Даже в добровольном заключении.

Лихий. Тебе было бы хорошо.

Бланка. Знаю.

Лихий. И все-таки?.. (*Бланка молча кивает, стараясь не смотреть на Лихого.*) Ты должна немного поправиться. Куда ты такая пойдешь...

Бланка. А что будет с вами?

Лихий. Лучше бы ты ушла раньше.

Бланка. Я не могла.

Лихий. И все-таки лучше бы ты ушла раньше.

Бланка. Сами знаете, что не могла.

Лихий (*берет из буфета бутылку водки и две рюмки. Наливает себе и пьет*). Я представлял тебя около дома... с детишками... (*Покорно.*) Старый дурень... Не смотри на меня так... А ведь я мог бы заполучить тебя. Силой... Пожалуй... (*После паузы.*) Тебе повезло, что ты пришла такая жалкая... Мужчина – он и в пятьдесят лет мужчина.

Бланка (*поспешно застегивая блузку*). Вы все это время так думали? (*Лихий робко, стыдливо кивает.*) А теперь – уже нет?

Лихий. Силой – нет.

Бланка. Вы столько для меня сделали... За это надо платить. (*Лихий отрицательно качает головой.*) Рисковали жизнью... (*Спокойно начинает расстегивать блузку.*) Я ваша должница...

Лихий (*смотрит на Бланку как зачарованный*). До чего хороша! (*Бланка, с расстегнутой блузкой, медленно подходит к нему. Превозмогая волнение, Лихий ошеломленно смотрит на нее.*) Такая молоденькая...

Бланка (*подойдя к нему вплотную*). Чего вы медлите?.. Берите...

Лихий (*задыхаясь от напряжения*). Так – нет.

Бланка. Берите.

Лихий. Как плату – нет.

Бланка. Все лучше, чем милостыня. Берите!

Лихий. Да ведь ты еще дитя!

Бланка. Я женщина. Может – ваша последняя.

Лихий. Они в любую минуту могут воротиться.

Бланка. Пес забрешет.

Лихий. Тогда уж будет поздно.

Бланка (*резко от него отстранившись*). И так поздно. Вы слишком долго раздумывали. Зато я вам больше ничего не должна. (*Лихий вяло протягивает к ней руку. Бланка уклоняется.*) Вы не мужчина! Мужчина бы в такую минуту даже смерти не испугался. Даже смерти!.. (*Плачет.*)

Лихий (*покорно*). Старик я.

Бланка (*упрямо, почти с ненавистью*). Старик? Нет! Вы не мужчина!

Лихий. Зря обижаешь.

Бланка (*холодно*). Я буду посылать вам деньги. Непременно. Пока не расплачусь за все. Чтобы вы не остались в убытке.

Лихий (*все так же покорно*). Это был мой долг.

Бланка. Не нуждаюсь я в вашем христианском милосердии. И в вашей жалости.

Лихий. Я думал, мне нужна женщина... (*Бланка, обессиленная, смотрит на него.*) Слава Всевышнему, он вовремя меня удержал.

Бланка. Обокрал он вас. Вы бы плюнули ему в глаза. Может, я стала бы вашей последней... А теперь будете еще рады, если подыщете какую-нибудь пожилую вдовицу...

Неожиданно Лихий начинает срывать с нее блузку.

(Ловко обороняется. Задыхаясь.) Поздно... (Продолжает упорно сопротивляться.)

Лихий. Нет... (*Сжимает Бланку в мощных объятиях.*) Эту минуту я уже пережил. Тысячу раз... Сопротивлялся... Сильнее, чем ты сейчас... Ночи напролет простаивал перед распятием... К утру не мог разглядеть гвоздей в его ладонях... Только боль... Я ненавидел эти раскинутые как для объятий руки... Они преследовали меня и во сне... А между нами – всего семь ступенек...

Бланка (*пытаясь вырваться*). Между нами пропасть! Вы опоздали...

Лихий. Нет! (*С отчаяньем и укором оглянувшись на распятие.*) Ненавижу эти раскинутые, ничего не дающие руки! Он обманул меня! (*Беспомощно кричит, обращаясь к распятию.*) Ты не знаешь, что такое одиночество!

Слышен лай собаки. Оба вмиг замирают. Бланка, опомнившись первой, одним прыжком оказывается на ступеньках в погреб. Лихий поспешно прикрывает обе створки и сдвигает на крышку погреба коврик. Лай усиливается. Лихий идет отворить дверь. Возвращается в сопровождении рослого Солдата в потрепанной шинели. Это П е т е р. Шага на два позади них идет еще один С о л д а т. Он очень бледен, невероятно худ, с выразительными глазами. Через плечо на одной лямке висит полупустой вещмешок.

Лихий (Петеру, показывая на стул). Нашел дорогу?

Петер (садится). А то как же...

Второй Солдат в нерешительности стоит у порога.

Лихий (смотрит на него). Твой товарищ?

Петер (нерешительно кивает. Солдату). Садись.

Солдат сбрасывает вещмешок, садится.

Лихий. Что припозднились?

Петер. Поплутали немного...

Лихий. Видать, голодные.

Петер (берет буханку, отрезает большой ломоть). Да нет... (Пододвигает к себе блюдо с салом.) Выпить бы...

Лихий. Уже налито.

Петер (внимательно смотрит на Лихого). Вижу. (Пьет.) Ждали кого? (Наливает рюмку, протягивает Солдату. Тот молча пьет.)

Лихий. Ждал.

Петер (пододвигает Солдату хлеб. Тот медленно отрезает кусок). Яно? (Лихий кивает, Петер, сняв шапку.) Налейте. (Лихий наливает. Петер, стараясь не смотреть на него, разглядывает рюмку.) А повместительнее посудыны не найдется?

Лихий, точно лишившись голоса, отрицательно крутит головой.

Петер (с наигранной веселостью). На фронте я привык к алюминиевым стопарикам. Выпьешь и протрешь ладонью. (Громко смеется. Солдат удивленно смотрит на него. Петер пьет, снова наливает, пододвигает полную рюмку Солдату.)

Лихий (напряженно). Говори!

Петер (встав из-за стола, берет из буфета рюмку побольше, энергично наливает). Он не придет. (Залом пьет.)

Лихий вопросительно смотрит на Петера. Молчит. Солдат протягивает Лихому свою полную рюмку.

Лихий твердым взглядом смотрит на Солдата и медленно, в оцепенении крутит головой. Солдат нерешительно, словно устыдившись, отводит руку с рюмкой.

Скажите же что-нибудь. (Со злостью наливает и пьет.) Он не придет! (Кричит.) Ваш Яно не вернется!

Солдат с упрёком смотрит на Петера.

Лихий (очень тихо). Зачем кричать?

Петер (беспомощно). Так хоть заплачьте, черт побери!

Лихий, через силу поднявшись, подходит к распятию. Некоторое время нерешительно стоит перед ним, потом безвольно опускается на стул. Солдат неотступно, с глубоким участием наблюдает за Лихим.

Петер наливает следующую рюмку. Звон стекла выводит Солдата из задумчивости. Он встает, берет у Петера рюмку, другой рукой сжимает его плечо. Продолжая смотреть на Лихого, судорожно впиивается пальцами в плечо Петера.

Петер (*подняв на Солдата усталый взгляд и что-то поняв, Лихому*). У него была... легкая смерть. Он не страдал... сразу... Правду говорю... Малюсенькая дырочка над левым глазом... (*Солдат, разжав пальцы, возвращается на свое место.*) Даже следов судороги не видать... Ну, вроде... (*Придумывает.*) ...вроде как уснул... Ей-ей... Лицо спокойное, словно спит... (*Солдат отворачивается. Петер, стараясь убедить Лихого.*) Правду говорю... Можете мне верить...

Лихий. Молчи. (*Стоит с отсутствующим видом, потом подходит к Солдату.*) Пускай скажет он. (*Хватает Солдата за подбородок, поворачивает его измученное, одухотворенное лицо к свету.*) Говори ты. (*Солдат беспомощно смотрит на Петера, точно ожидая помощи. Лихий трясет Солдата за плечо.*) Ну, говори!

Солдат пристально смотрит на Лихого и молчит. Лихий в беспомощной ярости бьет Солдата.

Врете! Все врете!

Петер (*вскочив, хватая Лихого за руку*). Не бейте его! Он немой...

Лихий (*потрясенный, непонимающе смотрит на Солдата*). Немой? (*Словно все еще в шоке.*) Н е м о й. (*Пододвигает Петеру полную рюмку, подставляет мозолистые ладони.*) Лей! (*Петер послушно, медленно льет водку на дрожащие руки Лихого.*) Единственный, кто мог сказать правду, – немой!..

Петер (*трясет Лихого за плечи*). Поплачьте или вы задохнетесь! (*Движением головы показывает на Солдата.*) Этот ничего не скажет. Никому.

Солдат наливает Лихому и снова сгорбливается над столом.

Лихий (*выпив, смотрит на Петера*). Врешь ты все. Немых в армию не берут. (*Отчаянно пытается отвести разговор от собственного горя.*)

Петер. Раньше он... говорил.

Лихий. Слышит? (*Петер кивает.*) Он знал нашего Яно?

Петер. Может, и знал.

Лихий. Спроси его.

Петер. Он ничего не помнит.

Лихий. Видать, хлебнул горяшка.

Петер. Может, так оно и лучше... Порой я ему завидую.

Лихий. Не гневи бога.

Петер. Кабы вы сами там побывали, не так бы заговорили... (*Задумчиво пьет.*)

Лихий. Теперь это уже позади.

Петер. Ошибаетесь. Это в нас.

Лихий. Ты жив.

Петер (*уныло*). Ну да, жив.

Лихий (*рассеянно смотрит на Солдата*). Как он найдет дом? (*Петер пожимает плечами.*) Отведешь его?

Петер. Попробую. Пойдем по деревням, по городам, авось, где и признает...

Лихий. И ты пойдешь?

Петер. И я.

Лихий. Почему именно ты?

Петер (*растерянно*). Я его нашел.

Лихий. Этим должны заняться канцелярии... Военные.

Петер. У него нет документов.

Лихий (*понимающе*). Да... в канцелярию без документов не суйся. И давно он такой?

Петер. Давно ли? Целую вечность!

Лихий. Ясно...

Петер. Другим этого не понять. (*Беспомощно смотрит на сгорбленного Солдата.*) Присох он ко мне... Я и не ожидал... Теперь уж и сам к нему привык.

Солдат искоса наблюдает за говорящими, между пальцами крутит рюмку.

(*С невеселой улыбкой.*) Раз даже сбежал от него...

Лихий. Он тебя нашел?

Петер (*отрицательно крутит головой*). Нет, я его... Последние километры бежал. Боялся, что не найду.

Лихий. Совесть.

Петер. Совесть?! Что вы можете об этом знать? (*Насмешливо.*) Совесть! Я уже давно забыл, что это такое...

Этот счастливее нас обоих... Не надо тащить лишний груз. (*Возмущенно.*) Совесть!..

Лихий (*пристально глядя на Петера*). Петер, как это было?

Петер. Я ж говорю...

Лихий (*очень серьезно*). Как было... с нашим Яно?

Петер. Я вам все сказал.

Лихий. Меня незачем обманывать.

Петер (*сочувственно*). К чему вам это знать, дядюшка?

Лихий (*упрямо*). Я хочу.

Петер. Эх, зачем и я не потерял память!

Лихий (*напряженно*). Не уклоняйся.

Петер (*расстроен*). Ладно. Но учтите, вы сами хотели...

Лихий (*твердо*). Говори!

Петер (*наливает себе водки*). Слыхали про фаустпатрон?

Лихий. Не только слышал, но и видел.

Петер. Прямое попадание?

Лихий. Нет, фаустпатрон.

Петер. Он пробивает даже сорокамиллиметровую броню. (*Солдат неожиданно встает, тянет Петера к двери. Петер смотрит на него с благодарностью.*) Нам пора... Он хочет идти.

Лихий (*твердо*). Договаривай!

Петер (*растегнув нагрудный карман, достает из него две металлические солдатские пуговицы*). Это все, что от него осталось. (*Кладет пуговицы на стол.*)

Лихий (*берет пуговицы в ладонь. Не понимая.*) Все?

Солдат, пытаясь выразить сочувствие, берет Лихого за плечи и медленно, выразительно качает головой. Лихий, потрясен, с отсутствующим видом смотрит на него. Солдат взглядом показывает на бутылку. Лихий, сжимая пуговицы в ладони, Солдату.

Нет, он не пьян... *(Петер устало садится. Лихий делает несколько бесцельных шагов.)* Думаешь, вы найдете эти места?

Петер *(оторвавшись от своих дум)*. Какие?

Лихий. Откуда он родом.

Петер. Трудно сказать.

Лихий. Это может длиться годы.

Петер. Знаю.

Лихий. Что ты решил делать?

Петер *(с фанатичной уверенностью)*. Я найду.

Лихий *(с сомнением)*. Словакия велика.

Петер. Все равно найду. Я это место найду... Мы должны его найти. Разыщу, даже если придется идти на край света.

Лихий. Может статься, у него там никого нет.

Петер. Все может быть. *(Печально.)* Подлая война...

Лихий *(задумчиво смотрит на Солдата)*. Как хоть его звать?

Петер *(горько)*. Он не говорит... Я спрашивал. Тысячу раз спрашивал... Даже этого не может сказать. Вот тебе и благодарность за все заботы. Молчит как колода! Прямо хоть в петлю полезай.

Лихий. Как же ты его кличешь?

Петер. Как и он меня. Никак.

Лихий *(упрямо)*. У человека должно быть имя.

Петер. Имя есть у любой вещи.

Лихий. Вот видишь!

Петер. То-то и оно, что вижу. Хорошенькие имена! *(Словно в трансе.)* Граната, мина, пушка, бомба, фаустпатрон! Имя! И верно, разве плохо звучит – ФАУСТПАТРОН?!

Лихий *(строго)*. Не надо, Петер!

Петер *(запнувшись)*. Пожалуй, это я зря... *(Скрывая стыд.)* Вы получите извещение.

Лихий. Знаю.

Петер. Но не так скоро. Много их полегло. *(Взглянув на Солдата.)* Пошли? *(Солдат нерешительно берет вещмешок.)*

Лихий *(глядя на Солдата)*. И все-таки у него должно быть имя.

Петер *(неопределенно)*. Само собой... *(Солдату, с дружеской иронией.)* Давай-ка я тебя окрещу, хочешь? *(Солдат грустно улыбается.)*

Лихий *(упорно)*. У человека должно быть имя.

Петер *(удрученно)*. Ясное дело... было и у него.

Лихий. Среди людей трудно без имени.

Петер *(отсутствующим тоном)*. Хм... Среди людей... А где они?

Лихий. Кто?

Петер. Да люди!

Лихий. Всюду... куда ни глянь. (*Больше про себя.*) Только я буду один... теперь уж совсем один... (*Горько.*) Хотя, может, и не совсем...

Петер (*с участием*). Вам бы сойти вниз, в долину, ведь так можно и мхом зарастить. Все слова забудете, как этот...

Лихий (*подавленно*). Начну учить немецкий. (*Петер непонимающе смотрит на него.*) Чего смотришь? Иной раз я тут беседую с тем... что лежит под орехом. Нет, нет... с ума я пока не сошел. Тот хоть никуда отсюда не денется. Не оставит меня, даже если бы захотел... Тоже пытался уйти, да замешкался... Еще и крест ему поставлю – как положено, дубовый. Вырежу на нем ГАНС, настоящего-то имени я не знаю. Будем вместе зарастать мхом... Война окончена. Врагов больше нет. Остались одни жертвы. Но и тем положено имя... (*Смотрит на Солдата.*)

Петер (*тоже задумчиво смотрит на Солдата*). Может, Павел? Ясное дело – Павел! (*С горькой иронией.*) Мы с ним как два близнеца. Они и в календаре напечатаны рядом – Петер и Павел. Отправимся скитаться вдвоем, неразлучные, как те, из календаря... В день Петра и Павла вместе женимся – так оно дешевле. (*Без надежды смотрит на Солдата.*) Уж этого дружка никто у меня не отнимет. Ходит за мной, как тень. (*Вдруг нежно обеими руками обнимает голову Солдата, бодает его лбом.*) Горюшко ты мое!

Лихий. Хорошее имя. Христианское.

Петер. Имена не бывают плохие или хорошие. Я знал одного, его звали Энгель... Ангел – по-нашему. Ни за что на свете не хотел бы с ним повстречаться, а уж коли доведется, так только чтобы прихлопнуть.

Лихий (*в задумчивости*). Слишком много в тебе злости накопилось. Нелегко тебе будет.

Петер (*агрессивно*). А вам легко?

Лихий. Нет в тебе смирения, Петер.

Петер (*зло*). Эх чего – смирения!.. Вы, дядюшка, и верно, слишком долго живете один. (*Неожиданно.*) Он бы мог побыть у вас немного... Идем больше месяца. Ослабел. Маленько отойдет – и я за ним приду. Помог бы по хозяйству или в лесу... Не оставаться же вам вдвоем с тем... под орехом. Для иностранных языков вы уже староваты. А с этим можете объясняться по-словацки.

Лихий (*с ноткой разочарования*). Объясняться...

Петер. Хоть будет вас слушать. Ему можно довериться во всем, он молчать умеет. (*Задумчиво.*) Не хуже того... под орехом.

Лихий (*с сомнением*). Без тебя он тут не останется. (*Впросительно смотрит на Солдата.*)

Солдат поднимает нерешительный взгляд на Петера.

Петер. А может, и останется... (*Солдату.*) Что скажешь?

Солдат робко подходит к Лихому. Берет из его руки пуговицы, нерешительно подбрасывает их на ладони и, свесив голову, не глядя ни на Петера, ни на Лихого, как-то стыдливо кивает.

Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация та же. Солдат уже в штатском, в одежде, явно оставшейся у Лихого после смерти сына. На нем полосатая рубашка без ворота, потрепанные штаны, ношенные солдатские башмаки. Охотничьим ножом он строгаёт кольцо – чинит деревянные грабли с выломанными зубьями. Бланка с интересом следит за его уверенными, спокойными движениями.

Бланка. У тебя красивые руки... Я могла бы смотреть на них часами.

Солдат поднимает на Бланку снисходительный взгляд.

Хотелось бы знать, о чем ты сейчас думаешь. Может, я тебе мешаю? Не сердись... Слишком долго я была одна.

Солдат медленно, задумчиво, отложив в сторону работу, гладит Бланку, как маленькую, по голове.

Сам знаешь, что такое одиночество. Может – еще получше меня. Когда-нибудь ты мне расскажешь... Я научусь тебя слушать. И уйдем отсюда, как только кончится война.

Солдат, пораженный, непонимающе смотрит на Бланку.

Вместе уйдем. Если захочешь. *(После паузы.)* Меня зовут Бланка. *(Медленно, четко произносит еще раз.)*

БЛАНКА. Я научу тебя разговаривать. Смотри внимательно на мой рот и повторяй: БЛАН-КА.

Солдат беззвучно шевелит губами, силясь произнести ее имя. Бланка крепко хватается за запястья.

Теперь только голос! Ну, повторяй за мной: БЛАН-КА.

Солдат пытается повторить ее имя, потом беспомощно пожимает плечами.

(Лихорадочно.) Ты сможешь! Не хватает только голоса. Попробуй еще разок. Это так легко, у меня хорошее имя. Вот увидишь – получится. Это почти так же просто, как сказать м а м а. Ты должен повторять это слово и без меня, когда будешь один. Право же, очень легкое имя! Оно станет для тебя ключом. Раз скажешь – и замок откроется. Не пугайся, если сначала он чуточку заскрипит... *(Берет руки Солдата, кладет себе на горло.)* Чувствуешь, как там вибрирует голос? *(Придерживая руки Солдата, медленно, четко произносит.)* БЛАН-КА.

Солдат, явно взволнованный прикосновением, издает нечленораздельный звук.

(Еще крепче прижимая его руки, взволнованно, настойчиво повторяет.) БЛАН-КА... *(Крепко держит руки Солдата.)* Ты сумеешь... Ты должен! Я боюсь за тебя... Боюсь твоего молчания...

Входит Лихий, недовольно смотрит на Бланку.

Лихий *(Солдату).* Иди на двор, Павел. Наколи дров.

Солдат послушно уходит.

Бланка *(оправдываясь).* Я только...

Лихий *(с упрёком).* Не надо было!

Бланка. Он давно тут? *(Лихий не отвечает.)* А бумаги у него в порядке?

Лихий. Не беспокойся.

Бланка. Но ведь они могут...

Лихий. Он тут долго не задержится.

Бланка. А если его обнаружат?

Лихий. Не обнаружат. *(После паузы.)* Не надо было тебе показываться.

Бланка. Он не выдаст.

Лихий. Иди же, иди.

Бланка. Всё вы меня гоните. Разве я мало настрадалась, разве не заслужила лучшего обращения?

Лихий. Ты никогда ничего мне не расскажешь...

Бланка. Есть вещи, о которых нельзя говорить.

Лихий. Иначе от них не избавиться...

Бланка. Слов не хватает... Боюсь завить. Вы когда-нибудь завидовали собаке?

Лихий *(удивленно)*. Собаке? *(Бланка молча кивает.)* Нет... Но ведь человек...

Бланка *(перебивает)*. Тогда вы не поймете.

Лихий. Когда-нибудь надо попробовать. Так нельзя жить.

Бланка. Может, ему... *(Движением головы показывает вслед ушедшему Павлу. Лихий непонимающе смотрит на нее.)* Павлу.

Лихий. Он немой.

Бланка. Но слышит. И ни о чем не будет спрашивать. Даже если я завою. *(После паузы.)* Нет, и ему не расскажу. Боюсь отравить его душу.

Лихий *(пытаясь ее ободрить)*. Молись.

Бланка. Не помогает.

Лихий. Сходи в лес и выкричи все деревьям.

Бланка. Нет.

Лихий. Я больше не буду тебя прогонять.

Бланка *(внимательно смотрит ему в глаза)*. Вам и самому хочется кричать.

Лихий. Пожалуй.

Бланка. Отчего же вы не кричите?

Лихий. Еще не научился.

Бланка. О чем?

Лихий. О молодом парне, который мог бы жить.

Бланка. Их тысячи.

Лихий. Знаю...

Бланка. Сотни тысяч.

Лихий. Попробую молиться.

Бланка *(сниходительно)*. Молиться...

Лихий. Хочу возблагодарить бога за Павла.

Бланка. Он уйдет.

Лихий *(застигнут врасплох)*. Нет!

Бланка *(спокойно)*. Уйдет, не останется.

Лихий *(с превосходством)*. Останется!

Бланка. Он уже ушел. Вы один еще этого не знаете.

Лихий. Он здесь, во дворе.

Бланка. Верно. И все равно ушел.

Лихий (*наконец, поняв*). Ты? Мало тебе, что ты сама от меня уйдешь?

Бланка. Он давно в пути... Только его ноги еще этого не поняли. Но когда поймут – ничто его не удержит...

Лихий. Мне будет плохо.

Бланка. Я не хотела...

Лихий. Может, ты и знаешь, что такое одиночество, но что такое навсегда... одному...

Бланка. Зато я знаю кое-что другое.

Лихий (*это его последний шанс, с отчаянием*). У тебя не убили сына!

Бланка. Не только сына, и дочь. Даже правнуков моих внучат. (*Сдерживая слезу*.) Все мое потомство... Еще не родившееся.

Лихий (*с опаской*). Не пригласить ли доктора? Ты, вроде, стала заговариваться.

Бланка. И там были доктора. Даже с учеными званиями. Им нужен был материал... для опытов. Знаете, как меня зовут?

Лихий. Ты говорила.

Бланка. Да нет же, я не Бланка. Хотите знать мое настоящее имя? (*Лихий с опаской смотрит на взволнованную Бланку*.) Материал. Мое настоящее имя – МАТЕРИАЛ. И еще у меня есть номер. Возможно, я даже буду в книгах. В медицинских учебниках для студентов. Вот почему я не уведу его. Вашего Павла... Если мы и уйдем вместе, так только до ближайшего перекрестка. Пойду путем своих не родившихся младенцев. Их целая толпа – прозрачные, расплывающиеся... И сама постепенно растворюсь в этой толпе. Без следа...

Лихий лезет в буфет, вынимает из фарфоровой кружки металлические пуговицы. На ладони протягивает Бланке.

(*Недоумевая*.) Пуговицы?

Лихий. Мой сын. Все, что от него осталось. Он тоже растворился...

Бланка (*потрясена*). Но он был. Раньше он существовал!

Лихий. Растворился... как твои младенцы.

Бланка. Их никогда не было. Они не успели родиться.

Лихий (*покорно*). Какая разница?

Бланка. Вы качали его в колыбели. Держали за руку, когда он учился ходить. Вы знаете, какие у него были глаза... голос... как он смеялся, плакал...

Лихий. А что мне от всего этого осталось?

Бланка. Воспоминания.

Лихий. Со временем и они потускнеют.

Бланка. У меня тускнеть нечему... Я хотела бы представить их себе, как они держатся за руки и поют: «Баба сеяла горох... прыг-скок, прыг-скок...» (*Волнуясь, с трудом припоминает продолжение песни*.) «Обвалился потолок, прыг-скок, прыг-скок...» (*Голос ее пресекается. После паузы*.) Нет, не вынесу. Они словно прозрачные...

Лихий. Ты бы помолилась.

Бланка. Зачем?

Лихий. Бог милостив, он даст тебе силы выдержать.

Бланка. Нету его.

Лихий (*фанатично*). Должен быть!

Бланка. Может, когда-то и был. А теперь умер.

Лихий. Бог бессмертен.

Бланка. Он пал на этой войне. Его убили. Как моих младенцев. (*Снаружи слышен лай собаки. Испуганно поднимается с места.*) Идут! (*Бежит к крышке погребка.*) Павел! Спрячьте его! Скорее!

Лихий (*обеспокоен*). Иди, иди, Бланка!

Бланка исчезает в погребке. Лихий прикрывает обе створки, поправляет коврик. Лай усиливается, переходит в яростный хрип. Двери распахиваются – входят три освобожденных узника концлагеря. Их лица и одежда носят явственные следы недавних страданий. Но в поведении, наоборот, сквозит еще не улегшееся упоение свободой.

Альберт (*заросший худой мужчина в арестантских штанах и жандармском мундире без петлиц и знаков различия. Не обращая внимания на Лихого*). Прошу, господи! Будьте как дома! (*Первым устало опускается на стул. Сосунок следует его примеру, Доцент продолжает стоять.*) А ты, Доцент?

Доцент (*нерешительно взглянув на Лихого*). Как-то неудобно... (*Смущенно Лихому.*) Добрый вечер.

Лихий. Добрый вечер. (*Нерешительно подойдя к Доценту, протягивает ему руку.*) Лихий.

Доцент. Планка.

Сосунок (*молоденький, тощий*). Смотри-ка! Наш Доцент оказывается Планка!

Альберт. Заткнись, Сосунок!

Лихий (*Доценту*). Присаживайтесь, пожалуйста.

Доцент (*садится*). Спасибо.

Альберт. Ладно, познакомились. Теперь – выставляй на стол!

Лихий (*нерешительно идет к буфету*). У меня только...

Сосунок. Кончай трепаться, старик. Тащи.

Доцент (*укоризненно*). Он тебе в отцы годится.

Сосунок (*Альберту*). Ты слышишь, Алик?

Альберт. Ну, долго нам ждать?!

Доцент (*Лихому, как бы извиняясь*). Словно с цепи сорвались. (*Товарищам.*) Мне за вас стыдно.

Сосунок. Уж больно вы стеснительный, пан Доцент.

Доцент. Не мог бы ты называть меня иначе?

Сосунок. Это как же?

Доцент. Планка.

Сосунок. С превеликим удовольствием, пан... (*Подчеркнуто.*) ДОЦЕНТ.

Лихий (*ставя на стол хлеб и сало*). Ешьте.

Сосунок. Сальце? (*Отрезает себе большой кусок.*) Тяжелая пища. Не по нашим ослабевшим кишкам. (*С удовольствием жует.*)

Альберт. Слишком долго мы сидели на диете.

Лихий (*Доценту*). Берите, пан Планка.

Доцент (*берет сало*). Спасибо, пан Лихий. (*С благодарностью смотрит на Лихого.*) Давненько не называли меня паном Планкой.

Сосунок (*неожиданно выкрикивает по-немецки*). Хефлинг нумер фюнф-фир-найн-цвай-зекс-цвай. Ахтунг!

Доцент (*вскочив и вытянувшись в струнку*). Хир!

Сосунок (*удовлетворенно хохочет. Альберту*). Действует!

Доцент, опомнившись, униженный, садится.

Лихий. Стоило бы дать тебе хорошую оплеуху, сопляк.

Сосунок (*Альберту*). Ты слышал? Ты слышал этого откормленного хама?! всю войну набивал брюхо салом, а теперь хочет раздавать оплеухи?!

Альберт (*спокойно*). Он прав.

Сосунок. И ты тоже?

Доцент. Не сердитесь на него, пан Лихий. Совсем одичал. Может, потому, что сам не раз получал оплеухи...

Сосунок. Зато теперь настал мой час. (*С ненавистью.*) Теперь оплеухи буду раздавать я!

Альберт (*Сосунку*). Вот жук!

Сосунок. И первую оплеуху получит правительственный комиссар.

Альберт (*почти ласково*). Вот жук!

Сосунок. А на закуску я оставляю этого немецкого прихвостня – директора школы.

Альберт (*продолжая жевать*). Они только тебя и ждут.

Сосунок. Ничего, я их найду.

Доцент (*Лихому*). Начисто одичал.

Альберт (*Доценту*). А ты – нет?

Доцент. Я умывался. Зимой и летом.

Альберт вопросительно смотрит на него. Сосунок жестом дает понять, что у Доцента «не все дома».

Лихий. Думаю, я вас понял.

Альберт (*протестуя*). Что вы можете понять? С полным желудком этого не поймешь.

Сосунок. На отдаленном хуторе, в чистой постельке, у бога за пазухой. Больно ты понятливый!

Лихий (*Альберту*). Пускай этот мальчишка мне не «тыкает», не то ему попадет.

Альберт (*спокойно жует*). Не обращай внимания, папаша. Сам видишь, негде ему было обучиться хорошим манерам.

Доцент (*задумчиво смотрит на Сосунка*). И такие вот явятся к нам в школы. (*Лихому.*) Можете себе представить, какая нам предстоит работа? Годы... годы пройдут, пока мы снова сделаем их людьми...

Сосунок. Не бойтесь. Мы уже кончили школу. И неплохую.

Лихий. Я вам не завидую.

Альберт. Не найдется ли у тебя выпить?

Лихий приносит бутылку водки и рюмки. Сосунок с готовностью наливает Альберту, потом остальным.

Альберт (*Лихому*). Выпьешь с нами? (*Лихий не отвечает.*) За здоровье гостей.

Лихий (*спокойно*). Я вас не звал.

Сосунок. Твой дом был у нас на пути.

Доцент (*берет в руку рюмку*). Выпейте, пан Лихий.

Лихий неохотно пьет.

Альберт (*со знанием дела*). Грушовка. Хороша... Налей!

Сосунок услужливо тянется к бутылке. Альберт его останавливает.

Пускай он.

Лихий (*спокойно*). Нет.

Альберт (*провоцируя*). Налей!

Доцент делает неуклюжую попытку налить ему водки.

Я сказал – он!

Лихий (*спокойно*). Я дал, что у меня было. Обслуживать вас не буду.

Доцент. Не унижай его, Альберт. Очень тебя прошу.

Альберт. А нас жалели?!

Сосунок (*торжествуя*). Ну, долго нам ждать?!

Доцент. Сделайте, как они хотят, пан Лихий.

Лихий. Вы меня даже не знаете.

Доцент. Какое это имеет значение? Разве не видите – им не терпится приказывать.

Лихий. Мне они приказывать не будут. Мне – нет.

Доцент. Попробуйте их понять.

Альберт. Зря стараешься. (*Лихому*.) Налей!

Лихий. А не лучше ли будет, если нальешь ты мне?

Сосунок. Слышал?

Альберт. К счастью, нет.

Сосунок. Не шути с нами, папаша... По-хорошему советую.

Лихий. Я тебя просил не «тыкать».

Сосунок. А ты мне «выкаешь»?

Доцент. Ты бы мог быть ему сыном.

Лихий. Лучше не надо.

Сосунок (*льстиво*). Ты слышал, Алик?

Альберт. Заткнись, Сосунок. А ты налей!

Лихий. Приказывай тем, кто тебя тиранил.

Альберт. Эти все передохли.

Доцент. И потому ты срываешь зло на невинном?

Альберт. Хорош невинный!

Доцент. В чем же его вина?

Альберт. Он набивал себе брюхо, когда мы подыхали с голоду.

Сосунок. Холил задницу в перинах, когда мы загибались от холода.

Лихий, словно устыдившись и осознав свою вину, наливает водки.

Вот видишь, все-таки напустил в штаны...

Лихий (неожиданно с задумчивой грустью гладит Сосунка по голове). Твоя правда, сынок.

Доцент неодобрительно следит за тем, как его спутники задирают Лихого. Резко встав, отходит от стола. С явным отвращением в знак протеста моет руки, вкладывая в это простое занятие всю горечь, весь стыд и унижение от создавшейся ситуации. Случайно бросает взгляд на висящее над умывальником зеркало. Берет зеркало в руки и внимательно разглядывает свое измученное, усталое лицо.

Доцент (нерешительно). Неплохо бы побриться... (Взяв кусок мыла, вдруг начинает старательно намыливать щеки.) Мне бы побриться... (Нерешительно оглядывается по сторонам.)

Лихий. Я дам бритву.

Альберт (решительно поднявшись с места). Не надо. (Подходит к Доценту и тоже начинает поспешно, со злостью мылить щеки. Берет со стола нож и решительными движениями бреется.) Вот оно как! (Безжалостно дерет щетину ножом.)

Доцент беспомощно размазывает мыло, затем нерешительно берет у Альберта нож и осторожно, медленно и старательно повторяет его движения. Сосунок с завистью и интересом следит за товарищами.

Сосунок. А я?!

Альберт (усмехнувшись). А ты постой в холодке. (Снимает рубаху, с невыразимым наслаждением начинает умываться, расплескивая вокруг себя воду. Все больше отдается получаемой от этого радости, глубоко вздыхает.) Водичка!.. Э-ге-геей!.. Вот это да!

Доцент еще раз сосредоточенно намыливается и бреется, точно не может вдоволь насладиться возвращением человеческого облика. Изредка поглядывает на себя в зеркало.

Сосунок (беспомощно). А я?! А как же я?!

Доцент. Умылся бы.

Сосунок. Только после вас.

Доцент вдруг бодро стягивает рубаху и буквально набрасывается на воду. С явным удовольствием моется, точно соскребая с себя все горести прежней жизни.

Альберт. Ге-ге-геей!

Сосунок (неожиданно вопит, как индеец). И – ви-ви-ви-ви!!! (Бросается между Доцентом и Альбертом и начинает брызгать в них водой.)

Альберт (добродушно). Ошалел?

Сосунок (дурачится). Ага! Ошалел! Алик, я ошалел! (Прыгает в лохань с водой.) Водичка! Вода!

Альберт (нежно глядя на Сосунка). Ну не щенок ли?

Сосунок (заяв боевую петушиную позу). Я щенок?

Альберт (заяв такую же позу). ЩЕНОК!

Сосунок. Щ е н о к?!

Альберт (дразнит). Жук.

Сосунок. Так, значит жук?! (Неожиданно, выскочив из лохани, бросается на Альберта. Тот со смехом падает. Сосунок тоже.)

Некоторое время весело катаются по полу, потом, задыхаясь, откатываются друг от друга и, обессиленные, остаются лежать. Доцент кое-как вытирается и садится неподалеку от них. Общее облегчение.

Альберт (*разбросав руки, потягивается как кошка. Все еще немного задыхаясь*). Да... Приду домой, развалюсь вот так. И буду спать. Тридцать шесть часов... самое меньшее... А потом возьмусь за работу. Больше двух лет руки чесались. У меня дома недостроенная электростанция. Кабы эти вшивые гады помедлили еще месяца два, непременно бы кончил.

Сосунок (*с сомнением*). Настоящая!

Альберт. Да как сказать.. По правде это всего-навсего небольшой генератор. Двадцать четыре вольта. Бракованный, с железнодорожного вагона. Привод сообразил сам. Через сад протекает ручей... Ну... сварганил турбинку. Вполне приличную... Сцапали меня на станции, вытащили из-под вагона, словно зайца какого... Саботаж! А я измерял длину ремешков, чтобы подогнать привод... Саботаж и точка. Разве им что докажешь?

Сосунок (*с интересом*). Она бы действовала?

Альберт. А то как же! Я подключил три лампочки. Горели. На временной тяге, дружище. Ребята так за мое дело болели, что через два дня у меня уже было двадцать шесть лампочек. По всей линии не нашлось бы вагона с полным комплектом освещения. Ей-ей... Скажи, Доцент, кто такой Эдисон? Ты должен знать...

Доцент. Томас Эдиссон – изобретатель. Томас Алва Эдисон...

Альберт. Что он изобрел?

Доцент. Точно не помню. Думаю, у него было больше сотни патентов... Вроде бы и фонограф, и лампочку...

Альберт (*доволен*). Вот оно что! А меня вся деревня звала Эдисон с Верхней Околицы. Я так и не дознался тогда, почему. И кто это выдумал... У нас все светили керосином.

Сосунок. Порядочная дыра... Я видел керосиновую лампу только у бабушки, в хлеву. Смердела так, что меня потом с молока воротило... А в лагере это молоко мне снилось. И вовсе не воняло.

Доцент (*Альберту*). Завидую тебе. У тебя есть цель. Турбина.

Альберт (*задумавшись*). У каждого своя турбина... Надо только помнить о ней.

Доцент. Пожалуй, самое естественное для меня – вернуться в школу.

Альберт (*соглашаясь*). Ясное дело.

Доцент (*мечтательно*). У ч и т ь ! Хорошо бы...

Сосунок. Отчего же нет?

Доцент. Боюсь, всё позабыл.

Альберт (*успокоительно*). Вспомнишь.

Сосунок (*напрямик Доценту*). Нас-то вы всю дорогу учите...

Альберт смотрит на него с упрёком.

Доцент. Я преподавал ботанику. Людям теперь нужно другое...

Лихий (*неожиданно вмешавшись в разговор*). Начните с детей. (*Задумчиво смотрит на Сосунка.*) Учите их уважать человека.

Сосунок (*передразнивает*). Уважать человека! Папаша, ты, видно, с луны свалился!

Доцент. Или хоть разбираться в людях... да что там, ботаника тоже не может обойтись без классификации. Но где система? Где ключ? В чем его искать?

Лихий. В совести.

Сосунок (*недовольно*). Господи, пускай он не лезет! Совесть! (*Лихому.*) А где до сих пор была твоя совесть? В отпуску?

Входит Солдат с ведром воды. Альберт и Сосунок, как наэлектризованные, садятся. Все, кроме Лихого, напряженно смотрят на Солдата. Тот спокойно, не обращая на них внимания, ставит ведро на место. Увидев, что первое ведро уже пусто, машинально берет его и снова направляется к двери. Альберт, вскочив, загораживает ему дорогу.

Альберт. Куда?!

Солдат молча смотрит на Альберта, потом спокойно пытается его обойти.

Я, кажется, что-то спросил!

Лихий. Оставьте его в покое. Он немой.

Альберт (*насторожившись*). Немой?

Сосунок. А случаем не немец?

Лихий. Солдат.

Сосунок. Вот именно...

Лихий. Наш.

Альберт. Да что ты! С каких пор у нас развелись немые Солдаты? Так бы и я мог сказаться немым.

Лихий. Раньше он говорил.

Альберт. Ты знал его раньше?

Лихий. Нет.

Альберт. А записываешься в свидетели. Откуда ты можешь знать, что было раньше? Он что, рассказывал тебе?!

Лихий. Павел, покажи им свою солдатскую одежду.

Солдат выходит в сени.

Альберт (*Сосунку*). А ну, пригляди за ним! Как бы он там чего...

Сосунок выходит вслед за Солдатом.

Доцент (*оправдывая их*). Подозревают каждого встречного. Точно мания какая-то. Не верят. Никому и ничему.

Альберт. Мы должны их переловить. Как можно скорее.

Доцент. К чему такое нетерпение?

Альберт. Если не переловим сейчас, ищи потом ветра в поле. Выйдет, что и нас-то вроде как не было... Откуда возьмутся заключенные, коли нет тюремщиков?

Лихий. Этот в порядке. Он воевал.

Альберт. Откуда ты знаешь?

Лихий. Знаю.

Альберт. Доказательства?

Лихий. Могу побожиться.

Альберт. Мало.

Лихий (*настойчиво*). Я верующий.

Альберт. Это твое дело.

Лихий. У меня есть свидетель.

Доцент (*Альберту*). Вот видишь!

Альберт. Тащи его сюда.

Лихий. Он в долине. Я дам адрес.

Альберт. Слишком далеко. У нас нет времени.

Лихий. Увидите его военную форму.

Альберт. Мало. Документы!

Лихий. У него нет документов.

Альберт. И немецких?

Лихий. Немецких? (*Поняв его.*) Ошалели вы, что ли?

Альберт (*с неопровержимой логикой*). На мне тоже жандармский мундир, а разве я жандарм?

Лихий (*беспомощно*). Его привел лучший друг моего сына.

Альберт. Тогда все в порядке. Где он?

Лихий. Кто?

Альберт. Твой сын.

Лихий. Погиб.

Альберт. Так что и он не свидетель. (*Протянув руку.*) Извещение о смерти.

Лихий. Еще не пришло...

Альберт. Час от часу не легче.

С о л д а т возвращается в военном обмундировании, сопровождаемый *С о с у н к о м*.

Сосунок. Красавец-мужчина, а?

Альберт (*подойдя к Солдату, задирает ему рукав, внимательно разглядывает предплечье*). Тебе повезло.

Во всяком случае, ты не эсэсовец.

Сосунок. Гимнастерка еще вполне приличная. (*Солдату.*) Скидавай!

Солдат медленно, точно лишенный воли, раздевается.

Доцент. Вы все еще его подозреваете?

Сосунок (*надевая гимнастерку*). А почему нет?

Доцент. Как бы он понял вас, если бы был немцем?

Сосунок (*растерянно смотрит на Альберта*). А?..

Альберт. Можно еще проверить. (*Солдату.*) Отдай честь.

Солдат снисходительно, с печальной улыбкой, козыряет.

Сосунок. Руки за голову!

Солдат так же снисходительно, словно в детской игре, выполняет приказание.

Доцент. Хватит.

Сосунок. Уж лучше не вмешивайтесь!

Альберт (*пристыженный*). Верни гимнастерку.

Сосунок (с упрёком). Но, Алик...

Альберт. Не отговаривайся!

Сосунок неохотно стягивает гимнастерку, подает Солдату. Солдат вновь натягивает ее на Сосунка.

Сосунок. Характер! (Солдату.) Спасибо.

Солдат дружески треплет его по плечу и задумчиво уходит в сени. Сосунок застегивает гимнастерку.

(Самоуверенно.) Недурно бы к ней и штаны... (Направляется к шкафу.)

Лихий (загораживая ему дорогу). Не самовольничай!

Сосунок. С дороги, старик! (Отстраняет Лихого.)

Лихий (схватив Сосунка, без труда усаживает его на стул). Сиди!

Сосунок (с негодованием встает). И что ты ко мне привязался, сквалыга!

Доцент (Сосунку). Ну, хватит. Сядь, или ты на самом деле выведешь меня из терпения.

Альберт. Подумаешь, из-за каких-то штанов не обеднеет. (Встает.) И мне бы тоже не помешали. (Идет к шкафу, открывает его. Некоторое время, пораженный, молча смотрит. Лихому.) Ну и ну! (Достав из шкафа немецкую унтер офицерскую шинель, выразительно сует ее Лихому под нос.) Вот, значит, какие дела!

Сосунок вскакивает с места, Доцент оцепенело смотрит.

Где оружие?

Лихий (слабым голосом). Оружие?

Сосунок. Не корчь глупую рожу. (Доценту, с превосходством.) Полюбуйтесь, пожалуйста! Перекрасился...

Доцент (неуверенно). Это как-то... действительно... Я считал вас порядочным человеком...

Лихий. Так ведь я... (Доценту.) Неужто вы, в самом деле, думаете...

Альберт (Сосунку). Немого!

Сосунок (неуверенно). Я...

Альберт. Живо! (На всякий случай становится у двери, готовый, если нужно, броситься на Солдата.)

Сосунок (испуган). Да я...

Лихий. Не бойтесь.

Доцент идет к двери.

Сосунок (с опаской). Осторожней, Доцент! У него может быть оружие!

Доцент выходит в сени.

Альберт (Сосунку). Погляди в той комнате.

Сосунок неохотно, с опаской, выполняет приказание, осторожно проходит в соседнюю комнату, на всякий случай оставив дверь открытой. Альберт, следя за Лихим, Сосунку.

Ничего?

Сосунок (из комнаты). Ничего.

Альберт. Гляди хорошенько.

Сосунок. Тут мало света.

Входят Доцент и Солдат.

Альберт (Доценту). Обыщи его!

Доцент (неохотно ощупывает Солдата). Все в порядке.

Альберт. Еще увидим!

Сосунок (*вернувшись, разочарованно, но с облегчением*). Ничего.

Альберт (*сует шинель Солдату*). Узнаешь?

Солдат, пораженный, но не испуганный, отрицательно крутит головой.

Сосунок (*иронически*). Еще бы ему узнать!

Альберт. Надевай!

Солдат непонимающе, но без протеста надевает шинель. Она ему явно велика. Солдат потерялся в ней, выглядит трогательно и жалко. Сосунок, не выдержав, хохочет. Солдат тоже смеется.

Доцент (*с облегчением*). Видите?!

Альберт. Мне это вовсе не кажется смешным. Где-то же он должен быть!

Доцент (*в недоумении*). То есть... кто?

Альберт (*недовольно передразнивает*). То есть тот, кому она принадлежит.

Лихий. Тот уж больше месяца как... там, под орехом.

Сосунок. Внучата есть?

Лихий смотрит на него, не понимая.

Можешь им рассказывать свои сказки.

Альберт. Выкладывай! Где он?

Доцент. Вы же слышали... он сказал.

Сосунок. Деревянная лошадка.

Доцент. Не понимаю...

Сосунок (*игнорируя Доцента, Альберту*). Наивный, как деревянная лошадка.

Доцент. Но позвольте!

Альберт. Позволю. После того, как мы его найдем. (*Лихому.*) Вооружен?

Лихий. Тут никого нет. Клянусь.

Альберт. Не хотелось бы сыграть в ящик теперь... когда я уже почти дома.

Доцент. Пан Лихий, и я вас прошу... Будет лучше, если вы...

Лихий. Были тут трое.

Доцент. И ушли?

Лихий. Ушли. Когда придвинулся фронт. Все получилось так неожиданно... Один лежит там, под орехом...

Можете убедиться.

Альберт. Это ничего не доказывает. Он уже свидетельствовать не может.

Сосунок. Где хозяин этой шинели?

Лихий. Там... под орехом.

Альберт подходит к Лихому.

Доцент. Я ему верю.

Альберт. Не удивляюсь. (*Лихому.*) Ну, скажешь или нет?!

Солдат взволнованно идет к буфету, достает из кружки металлические пуговицы, на открытой ладони подносит их Альберту.

Сосунок. Он что, спятил? Что должны означать эти пуговицы?

Лихий (*упрямо*). Ничего.

Доцент. Зачем же тогда он их показывает?

Лихий. Не знаю. (*Упорствуя*.) Спросите его.

Солдат подскакивает к Лихому, взволнованно хватая его за руки и трясет, точно хочет разбудить.

Доцент. Говорите, пан Лихий. Ради бога, говорите! Что означают эти пуговицы?!

Лихий (*с безнадежностью в голосе*). Ничего.

Доцент (*расстроен, берет в руки пуговицы, пристально, близоруко их разглядывает*). Солдатские. (*Альберту*.) Они солдатские!

Альберт (*констатирует*). Немецкие.

Доцент. Ошибаешься. Наши.

Сосунок. Ну и что? Не видали пуговиц?

Доцент (*Лихому*). Отчего вы не скажете?

Лихий (*с той же безнадежностью*). Сами видите, они не хотят слушать.

Альберт (*тоном приказа, решительно*). Обыскать весь дом!

Сосунок (*по-мальчишески, нетерпеливо*). Правильно, общем! Перевернем все вверх тормашками! От нас и мышь не скроется!

Лихий. У меня вы этого не сделаете.

Альберт. Это почему же?

Лихий. Я уже сказал, тут никого нет.

Доцент. Мы не имеем права.

Альберт. Права?! А н а с о правах кто-нибудь спрашивал?! По какому праву мы сотнями дошли от голода, холода, вшей?.. По какому праву выпустили через трубу тысячи таких, как мы?!

Лихий (*беспомощно*). Я-то чем виноват?

Сосунок. Ты им помогал.

Лихий (*протестуя*). Я?!

Сосунок. Все вы им помогали. Все! Обжирались и молчали в тряпочку. Забрались в норы как крысы – и молчок.

Доцент (*вставляет в монолог Сосунка*). Но были и такие, кто не хотел молчать.

Альберт. Да что ты говоришь?!

Доцент (*непреклонно*). Были! И я не молчал!

Альберт. Каким образом, если не секрет?

Доцент. Листовками.

Сосунок (*раздраженно*). Ну, конечно. С л о в а ! Разговорчики!

Доцент. Иной раз правда сильнее оружия.

Альберт. Кому она помогла, ваша п р а в д а?

Доцент. Возможно, и нам.

Сосунок. Да что вы говорите! Отчего же тогда нам пришлось дожидаться русских, их танков и пушек?

Доцент. Ими тоже двигала правда. Наша правда.

Сосунок (*снисходительно*). А я-то думал, танки приводятся в движение горячим!

Доцент. Важно, что мы не молчали.

Альберт. Вас было слишком мало.

Доцент. Нас были тысячи.

Альберт. Все равно мало! Кабы поднялись все, этого бы не случилось. Никогда! (*Лихому.*) Чего вы боялись? Всех не пересажаешь. Верно говорю? Где бы они взяли столько колючей проволоки, где бы на вербовали столько стражи. Где?

Сосунок (*вдруг схватив подавленного Лихого за плечи, трясет его*). Ну, что пялишься?! Только и умеешь, что пялиться!

Альберт неожиданным движением выбивает из-под Лихого стул.

Альберт. Пошли! Где он?

Лихий (*беспомощно*). Под орехом.

Альберт (*взволнован, трясет Лихого*). Последний раз спрашиваю, где этот шваб?!

Солдат, пораженный их жестокостью, бросается на Альберта, с неожиданной силой закручивает ему руки. Испускает долгий, нечленораздельный, похожий на рыдание звук. Собрав все силы, кричит.

Солдат. Нет!

Сам поражен тем, что смог это произнести. Набирает побольше воздуха и с напряжением выговаривает.

Вы... не смеете!

ВСЕ, пораженные, застывают.

Свет гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната. Альберт сидит напротив Солдата и допрашивает его. Доцент и Лихий с интересом слушают. Сосунок что-то зашевелил на солдатской гимнастерке.

Альберт. Еще раз. Как тебя зовут?

Солдат. Не знаю (*Силится вспомнить.*)

Альберт. Как это – не знаешь?

Солдат. Не пойму... все время... чего-то не хватает...

Альберт. Немым ты, ясное дело, прикидывался.

Солдат. ... Немым?

Альберт. Как же получилось, что теперь ты разговариваешь?

Солдат. Не знаю... я... правда не знаю...

Сосунок (*иронически*). Выходит, чудо?

Солдат. ... Дайте мне немного... мне нужно... (*Неуверенно.*) Я...

Доцент. С научной точки зрения...

Альберт. Да помолчи ты! Меня больше интересует, где его документы.

Сосунок (*Солдату*). Ну? Где?

Солдат. Документы?

Альберт. Я бы тебе советовал вспомнить.

Солдат (*после паузы*). ...Погоди немножко... Голова... в голове гудит...

Лихий (*нетерпеливо*). Кто дал вам право его допрашивать?

Сосунок. Опять это право! Мы что, в адвокатской конторе?

Лихий. Почему не допрашивает он вас?

Альберт. Нас уже допрашивали. Тебе такого не пожелаю.

Солдат (*Альберту*). И верно, что ты пристаешь?

Альберт. Я гнил в концлагере. Вот с этими. Три года.

Солдат (*не понимая*). В... концлагере?

Сосунок (*точно укушенный змеей*). По-твоему, этого мало?

Доцент. Разве не видишь, он потерял память.

Сосунок. Ну и что?

Доцент. Может, и правда, не знает, что такое концлагерь.

Альберт. Или напускает туману. (*Солдату*.) Шутить не советую.

Доцент (*Солдату*). Концлагерь – это вроде лагеря для военнопленных.

Солдат (*Альберту*). Три года? (*Усиленно размышляет.*)

Альберт кивает.

Этот мальчонка... три года назад еще не мог быть солдатом.

Доцент. Они сажали и детей.

Солдат. Значит... он не воевал?

Доцент. Нет.

Солдат. И ты?

Альберт (*неохотно*). И я.

Солдат (*с трудом сосредотачивается*). А я... (*Подыскивает слово.*) ...фронтовик.

Доцент. Это как-то... действительно...

Альберт. Тихо-тихо! Он не знает, как его зовут, а что был на фронте, небось, сразу вспомнил!

Солдат (*в смятении*). У меня было имя... конечно же... до того...

Сосунок (*насмешливо*). До чего?

Солдат. До того взрыва... Речка... или ручей... Разве может гореть вода?... Я... и собака... да... маленькая собачонка... Плакала детским голосом и бегала по кругу... все по кругу... О, Господи, эта собачонка... Ну да... Бегала на трех лапах и скулила... Карповка... Все время вертится это слово... Карповка... Как трещит голова... Карповка... И еще перевязочный пункт... (*Упорно вспоминает.*) ...Женщина... Какая-то женщина завернула меня в мокрую холстину... И Петер...

Сосунок (*подозрительно*). Не заговаривай зубы.

Солдат (*отсутствующим голосом*). Что?

Альберт. Документы. Где твои документы?

Солдат. Не знаю...

Альберт. Выходит, ты помнишь только то, что тебе выгодно.

Доцент. В первую мировую войну бывали такие случаи. В научной литературе они описаны. Некоторых лечили добавочным шоком. Я читал о таких... кое-кого удавалось вылечить искусственным шоком в клинических условиях.

Солдат (*с надеждой*). Правда? Думаете, я мог бы вспомнить, что было до этого?

Доцент. Случалось и такое.

Солдат. Я не помню своих родителей...

Сосунок. Может, ты вылутился из яичка?..

Доцент как бы между делом дает Сосунку затрецину. С интересом слушает.

Солдат. Где-то они... Наверняка... ждут... Я должен вернуться... (*Лихому.*) А где Петер?

Лихий. Дома. Внизу, в деревне.

Солдат (*с тоской*). Ага... Дома...

Альберт. О ком он?

Лихий. Привел его. Они были вместе на фронте.

Солдат. Он тоже не знает, как меня зовут?

Лихий отрицательно качает головой.

(*Доценту.*) Где лечат таких, как я?

Доцент. В психиатрической больнице.

Солдат (*Доценту*). Почему... я говорю? Как это... случилось?

Доцент. Этого мы, вероятно, никогда не узнаем.

Солдат. Что было... перед этим?

Доцент. Вы хотели воспрепятствовать обыску.

Солдат. Обыску? Какому?

Доцент смотрит на Альберта.

Альберт. Мы собирались тут немного поглядеть... Слишком много подозрительного... Много загадок...

Солдат. Да, да... теперь вспоминаю... Но почему я так?.. (*Лихому.*) Вы не знаете?

Лихий крутит головой. Солдат, стараясь сосредоточиться.

Что-то было раньше... (*Начинает нетерпеливо ходить по комнате.*) Не знаю... (*Направляется к двери.*)

Голова... В голове трещит... (*Выходит.*)

Сосунок (*со значением*). Не приглядеть ли за ним на всякий случай?

Альберт. Уймись.

Сосунок. Чтобы не смылся...

Альберт. Сказано тебе...

Сосунок. И тебя растрогал своими рассказами?

Доцент. Не худо бы, чтобы и тебя что-нибудь растрогало.

Сосунок. Уже. Вы давно уже растрогали меня своим красноречием!

Альберт (*явно увлеченный ролью допрашивающего. Вдруг Лихому*). Объясни еще только, откуда тут взялся этот плащ, и мы пойдем. Дашь нам какую-нибудь малость на дорогу – и потопаем.

Лихий. Я уже говорил.

Альберт. Правду.

Доцент (*возмущенный*). Хватит уж! Не могу больше на это смотреть.

Альберт (*Сосунку*). Забыл... как это словечко?..

Сосунок (*насмешливо*). Гуманист. (*Оба хохочут.*)

Доцент. Правильно. (*Сосунку.*) Ты способный. Память у тебя хорошая.

Сосунок. То-то и оно! Память! Отчего же вы удивляетесь, что я хочу навести порядок?

Доцент. Среди ни в чем не повинных беззащитных людей?

Альберт (*начинает нетерпеливо расхаживать*). Возможно, ты и прав, но я хотел бы иметь у в е р е н н о с т ь. (*Вдруг останавливается на крышке погреб, испытующе топает ногами. Отодвигает коврик.*) Что там?

Лихий. Погреб.

Альберт. Фонарь!

Сосунок (*быстро находит и зажигает свечу*). Вот.

Альберт (*осторожно откинув крышку погреб, подает свечу Лихому. Глухим голосом.*) Пойдешь впереди. На всякий случай. (*Сосунку.*) Будь наготове.

Сосунок (*серьезно*). Можешь не беспокоиться.

Доцент неодобрительно следит за их действиями. Лихий, словно лишенный воли, в сопровождении Альберта спускается по ступенькам. Затем из погреб поднимаются Б л а н к а, Лихий и Альберт. Доцент поражен.

Сосунок (*обрадовано*). Ох ты, мать честная! Кого мы нашли! Поглядите, какой клад скрывает от нас этот старикан! (*Легонько щиплет Бланку за щеку.*) Тут такие дела творятся, что не успеваешь рот разевать! Садись, красавица.

Лихий прикрывает створки погреб.

Альберт (*с превосходством смотрит на Лихого*). Мы слушаем.

Бланка (*Лихому, с опаской*). Кто эти люди?..

Сосунок (*со значением*). Вопросы задаем мы, уважаемая.

Бланка. Неужто и ты?

Сосунок (*Альберту, возмущенно*). Она обращается ко мне на «ты»!

Бланка. Я должна говорить тебе «вы», малыш?

Сосунок. Спустимся на полчаса в погреб, и я тебе покажу, какой я «малыш»!

Доцент (*Бланке*). Не сердитесь на него, он не слишком хорошо воспитан. (*Сосунку, выразительно.*) А ты прекрати, в конце концов.

Альберт. От кого вы ее прячете?

Лихий не отвечает.

Доцент. Только спокойствие, все объяснится.

Сосунок (*нетерпеливо*). Пора бы уж!

Бланка. Где они?

Доцент (*пытается взять инициативу в свои руки*). То есть... кто?

Бланка. Немцы.

Альберт (*с превосходством смотрит на Лихого*). Вот и я спрашиваю, г д е?

Сосунок. Ну что? Под орехом? Зарыты, да?

Доцент. Может, она спрашивает про того мертвого?

Сосунок (*Лихому*). Похоже, она видела тут живых. А? Что скажешь?

Бланка (*заметив шинель, с опаской*). Не придут?

Альберт (*напряженно*). Именно это интересуется и нас...

Доцент (*трезво*). Всюду вам мерещатся призраки. Что им тут делать через месяц после окончания войны?

Бланка (*в шоке*). После окончания войны?! А я... (*Беспомощно, затравленно смотрит на Лихого, потом словно в трансе начинает швырять и бить все, что подворачивается под руку. Кажется – она просто обезумела.*) После... окончания... войны!.. Окончания... войны!..

Доцент (*подает Бланке воду*). Успокойтесь.

Бланка. Война окончена?

Доцент (*спокойно*). Да.

Бланка. Давно?

Доцент. Почти месяц. Точнее – девятого мая.

Бланка (*недоверчиво*). Поклянитесь!

Доцент (*спокойно*). Честное слово.

Бланка (*с трудом приходя в себя*). Так, значит, уже... (*Подыскивает слово.*) м и р?

Сосунок (*потешаясь*). Чему удивляешься, голубушка? Немцам каюк.

Бланка (*наконец расплакавшись. С усилием подходит к Лихому, с отвращением смотрит ему в глаза*). Я бы тебя... задушила! (*Отворачивается.*)

Альберт. Интересно знать – за что?

Бланка (*упрямо*). Он знает.

Сосунок (*с любопытством*). А мы – нет.

Бланка (*обессилено*). Оставьте меня в покое! Слышите?! Оставьте меня в покое! Все! (*Горько плачет.*)

Альберт. Еще вопросик: хотелось бы знать, отчего у вас такие короткие волосы?

Бланка с ненавистью смотрит на Альберта.

Доцент. Почему вы не оставите ее в покое?

Сосунок (*Доценту*). Видите ли, в последнее время распространилась такая мода. Потаскух, которые путались с немцами, стригут наголо.

Бланка молча дает Сосунку затрецину. Тот пораженный, жалуется Альберту.

Ты видел?

Альберт. За дело.

Сосунок. Как это – за дело?

Доцент. Наголо стригли и в концлагере.

Сосунок. Вы это несерьезно. Поглядите, какая она откормленная!

Альберт (*Лихому*). Давно она у тебя?

Лихий (*неохотно*). С начала весны.

Альберт (*Бланке*). А раньше?

Лихий. Сбежала.

Доцент (*Бланке*). Из эшелона?

Бланка кивает.

Сосунок (*Лихому*). И ты ее тут... ах ты, старая свинья!..

Доцент (*укоризненно*). Ты понимаешь, что говоришь?

Сосунок. Старая свинья!

Бланка. Оставьте его.

Лихий удивленно смотрит на Бланку.

Альберт. Может, вы хотите нам сказать, что гнили в этом погребе ради собственного удовольствия?

Бланка. Ничего я не хочу вам говорить.

Доцент (*нерешительно*). Но это как-то... действительно, странно.

Бланка. Он меня спас.

Сосунок (*упрямо*). Свинья.

Альберт. Но зачем он до сих пор вас прятал? (*Лихому*.) Ты знал, что война окончена?

Лихий молча кивает.

Доцент (*с неожиданным упреком*). Как вы могли?! Ведь это бесчеловечно! Длительные муки беззащитного существа! Держать его в страхе после всего пережитого! Вы хоть понимаете, что такое концлагерь? Вы отняли у этой девушки месяц свободы. Жизни! Знаете, что такое страх за жизнь? Когда минута длится столетия, а час – вечность? Ведь это преступление!

Бланка по-детски горько плачет, эти слова вызвали в ней страшные воспоминания.

Потерянный месяц жизни ей уже никто не вернет. Никогда!

Бланка. Оставьте его! (*Зажимает уши.*) Перестаньте! Он не знает, что такое страх. Он его не переживал.

Альберт (*угрожающе спокойно встает*). Теперь узнает. Теперь-то он испугается! Страшно испугается!

(*Бланке.*) Где твоя лагерная одежда?

Бланка, не способная произнести ни слова, жестом показывает на погреб.

Альберт (*приказывает*). Оденься!

Бланка, точно лишенная воли, спускается в погреб.

Доцент (*с опаской*). Что вы хотите делать?

Альберт (*окидывает комнату внимательным взглядом*). Сейчас увидишь. (*Сосунку.*) Веревку!

Сосунок выбегает в сени.

Доцент (*испуганно*). Нет, нет! Мы не имеем права!

Альберт. А он? Что делал он?!

Доцент. Когда-нибудь это должно кончиться! Ненависть порождает злобу, так больше жить нельзя. Когда-нибудь все это должно кончиться. Просто чудовищно, что мы не можем остановиться!

Альберт (*продолжает осматривать комнату, как бы между прочим*). Почему именно мы?

Доцент (*подойдя к Альберту, трясет его за плечи, точно хочет пробудить от дурного сна*). Если каждый будет так спрашивать, этому никогда не будет конца.

Альберт (*снисходительно смотрит на Доцента*). Устроим суд. Ты удовлетворен?

Доцент. Мы не судьи.

Альберт. И у немцев были чрезвычайные трибуналы.

Доцент. Но не против своих!

Альберт. А этот... наш? Ну, отвечай: наш?! Ты бы мог сделать такое?

Доцент (*неохотно*). Я бы не мог.

Альберт. Будешь обвинителем.

Доцент. Не буду.

Возвращается Сосунок без веревки.

Сосунок. Я буду! Я ему все припомню...

Альберт. Тогда защитником.

Доцент. Нет.

Альберт. Совсем недавно у тебя это здорово получалось. Очень даже убедительно.

Доцент. Не буду.

Альберт. В чем же дело, черт подери?

Доцент. Я не могу его защищать. Не нахожу... аргументов.

Сосунок (*презрительно*). А р г у м е н т о в! Трус! Все вы такие... Ничего до конца не доводите. Чем интеллигентнее, тем... Э, да что с вами говорить!

Появляется Бланка, одетая во все лагерное.

Альберт (*резким, энергичным жестом показывая на Бланку*). Вот он, твой аргумент! Гляди!

Сосунок (*удивленно, нежно, от души*). Здравствуй, сестричка.

Целомудренно целует ее в обе щеки. Доцент, как загипнотизированный, подходит и точно так же целует ее. Бланка стоит, как каменная, по ее щекам текут слезы. Альберт прижимает ее к себе, как беззащитного ребенка, и тоже целует. Это некий ритуал единения. Лихий, подавленный, молча наблюдает за ними, какая-то сила поднимает его с места.

Лихий. Защитников не надо.

Сосунок (*вернувшись к реальности*). Тем лучше. Будешь болтаться в петле без защитников. (*Подходит к Лихому.*)

Лихий. Ты – нет! (*Срывает со стены большое распятие, держит крест как орудие самозащиты.*) Еще шаг – и я разmozжу тебе голову!

Сосунок замирает. Доцент подходит к Лихому, пристально глядя ему прямо в глаза. Лихий без сопротивления отдает ему крест.

Все от меня отступились... (*Непонятно, кому он адресует упрек, распятому или Доценту.*)

Сосунок. Будешь болтаться.

Бланка. Нет!

Альберт. Но прежде еще узнаешь, что такое страх.

Сосунок. И не вздумай оттуда показывать нам язык... Правда, Доцент, отчего это все удавленники ведут себя так неприлично?

Бланка (*подавленно*). До чего вы отвратительны! И таким должен быть мир? (*Кричит.*) Т а к и м?!

Доцент. Так нельзя. Надо отдать его под суд.

Сосунок (*нетерпеливо*). А мы – не суд?

Альберт (*Сосунку*). Как там с веревкой?

Сосунок. Сейчас добудем. (Начинает поспешно искать.)

Роется в шкафу, потом лихорадочно принимается за содержимое большого деревянного сундука. Вышвыривает из него женское свадебное приданое, явно оставшееся после жены Лихого: шерстяной платок, косынки, чепцы, блузки с рукавами-буфами и прочие наряды. Лихий с беспомощной печалью подавленно наблюдает за погромом. Внимание Сосунка привлекает вышитый повойник. Нерешительно проверяет его на прочность, пытаясь разорвать. Смерив Лихого взглядом, на глазок определяет его вес. Бланка, как зачарованная, смотрит на повойник, подходит к Сосунку, естественным движением берет повойник из его рук и по-девичьи обвязывает голову. Нерешительно постояв, вдруг начинает сбрасывать с себя лагерное тряпье. Все происходит просто, торжественно, словно обряд. Мужчины, очарованные, следят за чудом превращения. Первым опомнился Доцент. Из разбросанных вещей берет белую блузу с буфами, набрасывает на Бланку. Его примеру следуют Альберт и Сосунок. Одевают Бланку, украшают ее, как счастливые дети рождественскую елку. Бланка спокойно, вся светясь радостью, принимает этот обряд. Улыбается отсутствующей улыбкой, точно во сне. Доцент, не спуская с Бланки глаз, пятится к сундуку, вынимает из него скрипку и в то время, как Альберт и Сосунок навешивают на Бланку новые украшения, словно на идол, идол новой жизни, Доцент пробует струны, бегло их настраивает и трогает смычком. Еще одно прикосновение смычка – и скрипка рождает мелодию. Доцент, прикрыв глаза, переносится во времена, когда играл в школе детям. Входит С о л д а т, секунду очарованный стоит, потом, как загипнотизированный, направляется к Доценту. Идет, будто лунатик за лунным лучом. Вынимает из-за пазухи дудочку, начинает подыгрывать... Доцент прислушивается к мелодии дудочки. Неожиданно мелодия прерывается взвизгом, напоминающий вой измученного животного, Солдат резко отрывает дудочку ото рта и упоенно, радостно, выкрикивает.

Солдат. М и ш о! Меня зовут Михал! (Бежит к Бланке.) Слышите, люди?! У меня есть имя!

Кружит пораженную Бланку, Доцент решительным движением прижимает скрипку к плечу, начинает наигрывать мелодию танца. Сосунок, достав губную гармошку, присоединяется к Доценту. Альберт беспомощно озирается в поисках какого-нибудь инструмента, на котором мог бы играть и он, потом начинает неуклюже притоптывать и пританцовывать... Лихий, свесив голову, медленно пересыпает пуговицы своего Яно. Пуговицы падают с одной мозолистой ладони на другую, словно песок в песочных часах, словно зернышки бесконечного В Р Е М Е Н И, времени нашей жизни.

К О Н Е Ц